

Про собаку Любу

Евгения Хамуляк

12+

Евгения Ивановна Хамуляк

Про собаку Любу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63583083

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказки о животных хорошо учат быть человеком. Эта история о брошенке Любе. Но не пугайтесь, все закончится очень даже хорошо! Ведь в сказках всегда хороший конец, а если все еще плохо, например, как про эту собаку, которой никак не везло, – значит, это не конец истории.

Евгения Хамуляк

Про собаку Любу

Посвящается замечательной собаке Любе, которая спасла мне жизнь

Жила-была на свете одна собака, и кому-то взбрело в голову назвать ее Любой. На самом деле за этим стояла романтическая и немного трагическая история.

Виктору Семеновичу, трудившемуся инженером на заводе стали и сплавов, предложил взять дворового щенка коллега, приговаривая, что хоть тот и не породистый, да шибко красивый народился. А Виктор Семенович как раз подумывал над подарком своей дорогой жене Любове Геннадьевне, которую крепко любил и, как мог, радовал разными подарками по случаю и без, отчего та в нем души не чаяла. И хоть в паре они давно пережили горе, утрату сына и невозможность иметь больше детей, решили остаться лишь вдвоем, посвящая весь досуг любимой даче и редким поездкам на море и в горы. И вот на даче, которая хорошела раз от разу от умений и стараний Виктора Семеновича и его замечательной хозяйственной жены Любове, понадобился-таки помощник и охранник.

Охранница. Виктор Семенович назвал ее Любой в честь жены и в красивой коробке принес после работы, укладывая

в руки счастливой, плачущей от радости именинницы, которая напрочь забыла о том, что с детства имела аллергию на животных. Однако вид милого щенка просто ослепил Любовь Геннадьевну, что она забыла про все на свете.

Люба и в самом деле была удивительна хороша: смесь каких-то гончих пород дала собаке длинные стройные ноги, умные ищейки-прародительницы подарили красивую правильной формы голову. Ну и непонятно, кто и как одарил собачку выразительными, словно бы человеческими, огромными голубыми глазами с пушистыми девичьими ресницами.

– Человеческие! – твердили слева.

– Ну просто человеческие! – кричали в восторге справа.

– Подумать только, глаза-то как у человека! – не могли успокоиться третьи.

– Это ж надо, взгляд-то какой осмысленный, будто человеческий! – хлопали в ладоши четвертые под умильные улыбки добропорядочной семьи, гордо гуляющей с Любой по местным окрестностям.

Виктор Семенович не один час, напялив очки по самые уши, сидел перед компьютером, высматривая эту аномалию на кинологических форумах. Связывался со знающими людьми. Уж больно аномалия была аномальной. И наконец разгадка, вполне себе логическая, но очень уж мистическая, нашла ум Виктора Семеновича. Генетики утверждали, что между волком и человеком, несмотря на внешнее разли-

чие, имеется много общего. Не меньше, чем с шимпанзе. Когда-то, говорили особенно убежденные, человек и волк явно имели общего предка, именно поэтому до сих пор рождаются люди, так похожие на волка, обросшие шерстью, с волчьей пастью... А порой вся схожесть проявляется в дикой ярости и хитром уме хищника. И Виктор Семенович верил, что Люба пришла к ним не просто так. Часто, глядя на нее, на ее действительно осознанный взгляд, он отводил свои глаза, не в силах долго смотреть на столь похожую на человека собаку.

– Витя, это лучший подарок, который ты мне только мог сделать! – растроганная жена обняла невероятно счастливого и гордого мужа. И чихнула. Потом еще раз и еще раз.

Но трагедия, которая случилась только через год, не имела отношения ни к собаке Любе, ни к аллергии Любове Геннадьевны, которая на седьмом десятке еще очень красивой, ухоженной интеллигентной дамой отправилась спать, намазав руки питательным кремом по самые локти, уснула сном ангела и больше уже не проснулась.

Такую сонную и умиротворенную запомнил ее Виктор Семенович, не в силах более думать ни о чем, кроме ушедшей жены. И поэтому на сорок первый день после смерти любимой, он отвел Любу в ближайший приют, больше не глядя ни в ее человеческие, полные сострадания и печали глаза, ни в свои, виня ее и себя за глупый подарок и трагическое стечение обстоятельств.

То, что Любовь Геннадьевна ушла из жизни, потому что

ее волшебный песок в хрустальном безвременном часе истек, чтобы слиться с песком утраченного сына, Виктор Семенович узнал, только когда встретился с любимой супругой и дорогим сыном, которые все ему рассказали. Это случилось через два года. Не так много, но и не так мало для душ одинаковых словно половинки одного апельсина. Взявшись за руки, половинки двинулись дальше по зигзагу, который никогда не начинался и никогда не закончится. Поэтому печали и горести испарились в безвременье, ведь здесь каждый понимал, что одной жизнью путь не заканчивается, а является лишь чередой встреч и расставаний...

Их часы, дав несколько оборотов вокруг своей оси, начали новый отсчет, в этот раз менее трагичный. Пока шестеренки крутились, а хрустальные песчинки падали, – зрелище волшебное и радующее каждый раз по-новому – Виктор Семенович узнал, а точнее, вспомнил, что, во-первых, собачка Люба не была виновата в смерти хозяйки. И успокоился. И во-вторых, у собак и у человека действительно имелся общий предок, именно поэтому многие хозяева относятся к питомцам порой лучше, чем к соседям. Но это была уже совсем другая история... Перед тем как отправиться в новое путешествие под руки с любимыми, Виктор Семенович попросил прощения у Любы и пожелал ей удачи на прощанье. А удача ей ой как пригодилась.

После того как собаку с человеческими глазами отвели в питомник, у нее началась тяжелая собачья жизнь. То ли предок сильно напортил судьбу всем песьям, то ли жизнь собак сама по себе несправедлива, то ли у жизни, человеческой или собачьей, совсем нет никакого смысла, Люба додумать не могла. Жизнь замкнулась в один большой день, который никогда не заканчивался, и где постоянно приходилось держать ухо востро.

Но не все было так плохо. Пожелание удачи от бывшего хозяина принесло Любе по-настоящему удачное соседство. В бетонно-железных камерах, два на два по нормативу, содержалось по две собаки. В питомнике, который, к сожалению, являлся муниципальным, не таким богатым, как те, что построили добросердечные богачи, – а такие тоже встречаются в наше время, хотя все твердят, что мир катится в тартарары, – работали люди, от собачьей никчемной жизни устроенные мыть и кормить своих собратьев в волчьем обличье, в назидание о том, что их ждет буквально в следующей жизни. И от такой картины их умы и сердца, а также руки и ноги не горели желанием продлить или осчастливить жизнь своих визави. Поэтому жизнь в питомнике ждала жесткая, волчья: утром холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры, потом скудный обед, потом долгое лежание до следующего утра в любую непогоду, где ждал холодный душ из шланга и одновременно мытье камеры. Прогулок не предполагалось. Для этого роскошества не имелось ни персонала,

ни территории. Самыми страшными днями приходились по-недельники, когда собачий патруль привозил новеньких. И тогда, если мест не хватало, к волкам, голодным и озверевшим, подсаживали больных и уже не чаявших выйти на волю помертвевших от страха собак. Таким образом решались вопросы и места и пропитания. Такими же страшными были дни ревизии. Если за два года пребывания на этом «курорте» собаку так и не забирал редко заходящий зевака с добрым сердцем, ее тоже скармливали голодным троглодитам-соплеменникам.

Конечно, ни Люба, ни Искра – так звали собачку-терьера, компаньонку по камере, – не имели ни малейшего понятия ни о понедельниках, ни о ревизиях, ни о личных трагедиях работников муниципального питомника, они не знали и причины, почему оказались в этом аду. Но животные, в отличие от людей утратившие интеллект, сохранили то, шестое, а может, седьмое и восьмое чувства, предугадывая грядущее плохое по ветерку, по сгущению свинцовых тучек над клеткой их дома. Рассказывая друг дружке о чувствовании по дрожанию испуганных ушей, по особому блеску глаз, по истошному вою накануне беды.

Так Люба прожила почти два года, все больше предчувствуя, как ее дни на этой земле подходят к концу. И больше всего боялась она потерять Искру. Несмотря на голод, частое подъедание кашек друг у друга, невыносимый холод зимой и тяжкий зной летом, это были самые счастливые годы в

жизни двух подружек. Любе и Искре повезло: никому – слава собачьему богу! – за все два года не пришло в голову посадить или рассадить их. Обе они, хоть и не были воспитаны добропорядочными хозяевами, не выли ночью, как другие, не мешали спать уставшим охранникам, работавшим и жившим в питомнике. А часто за вой скучающие по прежней жизни псы, которых легко могли бы забрать только за родословную, попадали под горячую руку. Такова была жизнь в овчарне.

Искра тоже чувствовала надвигающуюся катастрофу, поэтому все чаще отказывалась есть, отдавая свою порцию подруге. Люба ела. Голод не тетка, но обязательно в знак благодарности нежно терлась об Искру, чтобы развеселить уставшую, отчаявшуюся, обросшую, словно горная овца, терьершу. Когда однажды в питомник завалилось сразу много людей, которые ходили от клетки к клетке и шумно разговаривали, размахивая руками, Люба и Искра спрятались в дальний угол своей бетонной коморки, боясь сделать что-то не то.

Две девочки подбежали к их клетке и стали дружно и ласково зазывать собачек подойти. Первой оттаяла Люба, в душе любящая и детей, и игры. Искра же осталась на месте. Дети так крепко обнимали красивую собаку с человеческими глазами, что пару раз Люба взвизгнула от боли, но все равно не отошла от вкусно пахнущих добрых детишек.

Сзади подошел мужчина и сказал:

– Эта не подойдет. Помесь гончих. Ей надо много места и желательно дом, да и выгуливать минимум час. Кто это будет делать?!

Дети стали орать наперебой, что готовы на все условия.

– Нет, терьера – нет, – подошла женщина, всматриваясь в обросшую и запутавшуюся в колтунах Искру. – Во-первых, шерсть, во-вторых, грязь. Ни времени, ни терпения, ни денег на все это не хватит.

– Мы! Мы! Мы будем выгуливать и мыть! – не переставали кричать дети, согласные и на Любу, и на Искру.

– Для гончих нужен дом. Квартира не сгодится, – неустанно повторял мужчина.

– За терьерами нужен уход. Это как третий ребенок. Я не могу! – будто сама себе вторила женщина.

Конечно, ни мама, ни папа Лизы и Вали не знали о том, что жизнь Искры подойдет к концу ровно через тринадцать дней, а у Любы через двадцать пять. Может быть, узнав об этом, они отбросили бы какие-то свои интересы и попытались помочь живым существам вопреки «дорого», «не мое», «мне кажется», «я». Но они не знали эту жестокую правду жизни брошенных собак. А Люба с Искрой не могли им это рассказать. Человеки не понимали языка подрагивающих от страха ушей, особого слезливого блеска в глазах, где по слезинкам можно было бы посчитать эти последние деньки. Человеки думали о себе и образе своей жизни. Спокойной. Счастливой. Понятной. Распланированной. Это нормально.

И Люба с Искрой это тоже, как ни странно, понимали. Может быть, поэтому в этой жизни они родились по линии предка собаки? Что же будет с родителями девочек в следующей жизни?

Впрочем, человеческий взгляд Любы перевесил все минусы на чаше добра и терпения, названные папой и мамой, и уже через час, заплатив пошлину за какие-то бумаги и клятвенно поклявшись ловцам собачьих душ стерилизовать собаку, семья отправилась домой, по очереди гордо неся нового члена семьи у себя на руках. Люба весила как пушинка.

Искру, как уже стало понятным, никто никогда больше не видел. Потом, когда Люба стала мудрой бабушкой, она надеялась, что, когда ее хрустальные с песчинками часы перевернутся, они с подругой обязательно встретятся и узнают, почему их свела судьба на эти счастливые года. Почему все вышло так, как вышло. Все ответы на все «почему» найдутся, нужно только дождаться. Люба-бабушка не ошиблась.

Любу привели домой и попытались помыть. Но это оказалось непростым делом. Шланг, вода отныне – но, слава богу, не навсегда, – стали кошмаром для собаки с человеческими глазами. И испытанием для семьи. Но дети обожали Любу, даже с запашком жуткой овчарни, оставшейся теперь в прошлом. Мама не теряла надежды – а врачи скорой помощи ее никогда не теряют! – помыть красивую собаку и сделать ее по-настоящему домашней питомицей и любимицей. И род-

ство имен Люда и Люба прибавляло маме надежды.

Папа наблюдал за нервными перебежками Любы из комнаты в комнату в поисках Искры или угла, где приткнуться от страшных новых шумов и запахов, и на пятый день устал повторять про характер гончих и про необходимость пространства для таких животных. Просто вздыхал и тихо терял надежду на то, что собака приживется. В уме стал прикидывать знакомых, у кого имеются дома или дачи, а лучше даже хозяйства, где собака могла бы пригодиться.

После того как Люба от страха и непонимания новых слов про «гулять» накакала огромную плохо пахнущую кучу на белом красивом любимом мамой паласе, привезенном из Турции, который семья тащила в чемодане, пожертвовав личными вещами, мама тоже стала терять надежду, начиная выспрашивать коллег и больных, нет ли желающих на собаку с человеческими глазами.

Мама даже подумывала отдать собаку бабушке Наде: у той имелись и дом, и пространство, и полувековое терпение. Но дедушка Валера, папа мамы, сильно и долго болел, там было бы сейчас не до Любы. Тем более все понимали, что ждать осталось недолго...

Люба старалась как могла, она хотела показаться очень скромной, всегда пряталась под столом, кроватями, забивалась под стулья так, что ее не могли вытащить ни вкусняшками, ни веником. Хотела показаться воспитанной, ела быстро, оглядываясь на домочадцев: никого ли не объедает или не

обижает своим чавканьем. Спала мало, торопливо озираясь по сторонам, ожидая, что вот-вот ее отведут назад к Искре. Хотела быть готовой, чтобы не привыкнуть к хорошей сытной жизни. Одним словом, делала что могла, чтоб не быть надоедливой.

Только дети знали, что Люба останется, потому что готовы были уйти из дома вместе с собакой, если понадобится.

И проходили дни, а за ними недели, а потом и месяцы, и семья, несмотря на дополнительные хлопоты, которые, конечно же, отвлекали от рабочих и семейных дел, привыкла и полюбила Любу, прощая и чрезмерную пугливость, и чавканье, и странные повадки. Полюбили ее человеческие глаза настолько, что не могли больше расстаться с нею. К слову сказать, и Люба слегка отогрелась теплом объятий детей, вкусными обедами от мамы, долгими прогулками по паркам с папой.

И вот, казалось, жизнь вошла в свою колею, как Люба, разлегшись на даче у камина, куда семья выехала на целых две недели новогоднего отдыха, стала задумываться о смысле жизни... И он представлялся Любе странным. Зачем она понадобилась мирозданию? Какой смысл в ее маленькой ничемной жизни? Никакого толка от нее не было.

Скажем, приبلудный кот Васька, что являлся периодически, и тот ловил мышей, к тому же его не надо было выгуливать, он жил на улице, так и не пожелав обосноваться в доме в теплой плюшевой будке, что для него купил добрый папа.

Ни волос, ни мытья лап, ни косточек вообще не требовал. А вместе с тем помогал. И его за это любили и, конечно же, ценили.

Она же привносила в дом только хлопоты. И отлично это осознавала. Мама и папа любили ее, но занятые своими работами и заботами, порой не замечали собаку под ногами. Хотя с ответственностью исполняли свой хозяйский долг по кормежке и выгуливанию.

Дети очень любили Любу, но, взрослея, они все чаще пропадали с друзьями и в школе. И короткие и теплые объятия напоминали Любе об их привязанности, но времени на нее все-таки и у них не хватало.

Тогда зачем она живет? Не лучше было б оставить ее в овчарне, чтобы разделить участь ненужной брошенки Искры? Так было б справедливее.

Люба инстинктивно завyla, вспоминая грязную обросшую терьершу... дорогую Искру. На вой выбежала мама и стала успокаивать Любу:

– Знаю, знаю, ты тоже чувствуешь, что дедушка Валера... был хорошим человеком. Он тебя тоже полюбил с первого взгляда. – Мама присела на корточки и обняла дворняжку с человеческими глазами словно человека, словно друга, надолго повиснув на ее шее, плача об утрате отца.

Всего это Люба не знала, но чувствовала, что нечто странное происходит в семье, приехавшей на дачу поддержать бабушку Надю в ее горе.

Бабушке Наде было очень плохо. Она просто замерла и отказывалась разговаривать и выходить из своей комнаты. Дедушка болел давно, и все подозревали, что этим закончится его долгое покашливание и потеря сил. Но все равно... было трудно привыкнуть, что папы, бабушки, главы большой мирной семьи, больше нет, и он никогда не вернется. Его часы на этой земле остановились, но мерно продолжали тикать там, где времени и пространства уже не существовало.

Люба душой понимала бабушку, потому не лезла к ней в комнату, хотя любила пошляться по дому.

Она теперь часто лежала у горящего камина, в тепле очага было легче думать о своей судьбе. Теперь хорошей и спокойной, но какой-то незаконченной, непонятной.

После трагедии папа с мамой стали чаще уединяться в своей комнате, и мама часто выходила из комнаты с красными мокрыми глазами... Всем совсем стало не до Любы. И когда наступил день возвращения домой, бабушка впервые вышла из своей спальни, чтобы попрощаться с семьей, вынужденной вернуться к обычному образу жизни, школа и работы не могли ждать. И попросила оставить Любу с ней на даче.

– Хоть кто-то со мною здесь останется, – тоскливо сказала бабуля, обнимая собаку. – Да и к тому же собаке здесь лучше, чем в узкой вашей квартире.

Никто не посмел воспротивиться бабушкиной просьбе, и

в ее словах действительно имелась правда. Мама с папой даже вздохнули облегченно: меньше хлопот и бабушке так веселее.

Так у Любы началась другая, дачная, жизнь. Сначала бабушка, никогда не имевшая домашних животных, ведь дедушка страдал аллергией на шерсть, как когда-то Любовь Геннадьевна, совсем забыла про Любино расписание и, получив тепленький пахнущий подарочек на пороге, быстро надев теплые валенки, выбежала на улицу и вытолкнула собаку. Стоял мороз, но бабушка честно отдежурила полчаса; для собственного разогрева и нужной для гончих активности, как советовал зять, они с Любой обошли вокруг дачного дома ровно двадцать четыре раза.

На следующий день прогулки вокруг дома повторились, пока бабушке это не надоело, и она, одевшись потеплее, пошла показывать Любе их дачный поселок целиком. Уже через неделю бабушка, забравшись в дальнюю комнату-хранилище, обнаружила старые дедушкины лыжи, которые решила испробовать. Раньше почему-то не хотелось, а сейчас... А сейчас то ли от частых прогулок, то ли еще от чего-то прибавилось сил, и бабушка уже вместо двух прогулок с Любой, утренней и вечерней, прибавляла еще и послеобеденную. Иногда к ним присоединялись бабушкины подруги. А увидев лыжи и вспомнив молодость, яркие впечатления, простые зимние забавы, и те по примеру отыскиали на чердаке свои пыльные. И небольшой компанией с термосами стали

отправляться сначала в короткие, потом в более долгие забеги с неизменной спутницей Любой, путающейся под лыжами и ногами, нещадно гоняющей всех лесных белок и смешно лающей на птиц.

Пришла весна. Дача зажила новой жизнью. Приезжающие на выходные дорогие родственники, ставшие для Любы немного дальними, потому что с бабушкой Надей собака познала истинную дружбу... Люба больше не лежала без сна у камина, а спокойно спала с чувством полного удовлетворения и выполненного долга после трех прогулок в день, понимая, что ее миссия на этой земле – выгуливать бабушку Надю, у которой словно открылось второе дыхание во всем. Она решилась взяться за генеральную уборку дома, захламленного вещами еще советского прошлого, заняться огородом, который раньше ненавидела и презирала любое земледелие. В доме завелись гости. Ни один вечер не проходил без дружеских посиделок, общения и чаепития. Дедушка Валера, оказывается, был человеком хорошим, но своеобразным, не любил посторонних личностей на территории. Бабушка же, общительная по натуре, только сейчас дала себе волю пригласить всех и всяких по поводу и без. И Любе доставались все ласки на свете, включая массажи спины и воротниковой зоны. Ну конечно, комплименты про нечеловеческие или очень даже человеческие глаза и необыкновенную кра-

соту.

Однажды, сидя в такой душевной компании у камина, который подогревал подмосковный март, обращаясь к трем подругам, бабушка Надя сказала:

– А знаете, девочки, ведь вот у нас с вами была любовь, а у Любы, хотя она и есть само воплощение любви, ее нет и никогда не было...

– Да что ты такое говоришь, Надюш! Любу твою все любят! Да разве можно ее не любить, она прелесть! – И подруга бабушка Лена погладила собаку, крепко прижав к пышной груди как ребенка.

– Я не про эту любовь... Я про настоящую, – задумчиво проговорила бабушка Надя, глядя в горящий очаг.

– А разве вы ее не стерилизовали? Из овчарни нельзя унести собаку без этого.

– Я не разрешила. Родиться на этой земле такой красивой, быть названной Любовью и не испытать любви – тогда не стоило и рождаться... Люба должна полюбить.

– Чудноватая ты, Наденька, – засмеялась бабушка Вера, при этом одобрительно кивая головой, понимая, о чем толкует подруга.

– Я уверена, что у каждого на этом свете есть своя вторая половинка. У муравья, у газели, у крокодила... Иначе бы ничего не вышло, понимаете?! Иначе зачем все это?! Просто так быть?!

Все замолчали, обдумывая слова подруги.

– Ну, по крайней мере, есть смысл попытаться поискать...

– одобрила бабушка Женя. – В крайнем случае проведешь случку и получишь Любиных внуков, – приснула она.

И все засмеялись. Но на этом шуточный разговор не закончился.

Уже на следующий день бабушка Надя позвонила внучке, владевшей, как и все внуки современности, гаджетами и «вай-фаями», чтобы узнать ближайшие от дачи адреса овчарен и приютов.

– Ведь твоя вторая половинка, вероятно, тоже благородных кровей, должен был бы хлебнуть судьбинушки по самые уши, – рассуждала бабушка, советуясь с покорной Любой, счастливой, что с ней ведут беседы, хотя она не понимала, о чем. Но явно это пахло приключениями.

Итак, походы по поиску собачьего принца Любы начались, и, узнав, что подруга не шутила, бабушки Женя, Лена и Вера – как кунаки – тоже вызвались сопровождать свою любимую питомицу с человеческими глазами. Но задача оказалась более сложной, чем все думали.

Бабушке Наде решительно никто не нравился. Хотя она подолгу всматривалась в каждого кобеля и проверяла его карточку, спрашивала о деталях жизни, ища сходства с Любиной судьбой.

Как она определяла, что никто не нравился Любе, – оставалось секретом. Ведь бедная собака, поначалу думающая,

что ее пришли возвращать в собачий ад, пряталась, артачилась, категорически отказываясь входить в узкий проход между клетками, где выли и лаяли несчастные ее сотоварищи.

Но это было только начало приключений. По ходу посещения кунаки, они же подруги бабушки Нади, сами того не подозревая, осознали, что являются большими любителями животных, в частности брошенных собак, и каждая из них уводила домой маленькую или большую шавку, немытую и испуганную, чтобы сделать своей питомицей и любимицей. Так, в поисках любви, истинной и единственной для Любы, три песика обрели добрых покровительниц и теплые дома, где их приняли как родных.

Но Люба и бабушка Надя все еще не находили того самого, ради которого...

Родные к этой идее отнеслись... ну как бы выразиться помягче, словами: «Хорошо, что папа этого не видит», – говорила мама. «Возраст», – философски комментировал папа. «Клево!!!» – радостно кричали дети, еще больше восхищаясь своей необычной, потрясающей, ни на кого не похожей бабулей.

Однако, несмотря на таимые упреки и непонимание, в глубине души все были счастливы, видя бабушку в добром настроении, похорошевшую и посвежевшую с появлением в ее жизни Любы и этой странной затеи.

Наконец, приюты и овчарни поблизости закончились, и

дружной команде спасателей и приверженцев истинной любви пришлось выехать в другой округ большой и необъятной столицы нашей родины.

На эти поиски уходил целый день, но хорошо запасшись бутербродами и термосами, неутомимая бригада дружной веселой компанией бабушек, которые совсем не походили на бабушек, и собак, которые были скорее друзьями, чем просто животными, весело преодолевала пробки и дороги.

Однажды они случайно набрали на очень дальний, брошенный вольер с собаками, судя по всему приготовленными на забой, так как мест в питомниках не хватало. Сюда даже не заглядывали волонтеры, с которыми перезнакомились бабулечки за время поиска любви для Любы. И неожиданно сердце бабушки Нади ёкнуло около одной клетки, где сидели две собаки: одна радостно подбежала, подпрыгивая, увидев посетителей, а другая равнодушно осталась лежать в дальнем углу. Было видно, что вторая собака ранена или тяжело больна, но виду не подавала, не скулила и не пряталась. Просто смотрела.

– Смирный как солдат, – произнесла бабушка Надя, не обращая внимания на прыгающую рядом собаку, вообще ни на кого не обращая внимания.

Подошел охранник, сам похожий на брошенного пса, и рассказал, что Льюиса привели хозяева, переезжающие за границу, куда они его забрать не могли. Сам по себе пес по-

родистый и даже с характером, поначалу он кочевал из клетки в клетку, где бился насмерть со всеми; единственный, с кем уживается, это Ветерок. Да и то, пока не заживут раны, наверное.

– Никак не привыкнет к новой судьбе. Так и помрет непривыкшим, – тяжело констатировал охранник Федор.

– Мы его забираем! – холодно сказала бабушка Надя, доставая приличную сумму денег на выкуп и телефон. Она звонила папе, чтобы тот срочно выехал за Льюисом.

– О Господи! Только Льюиса нам не хватало, – незлобно ответила трубка голосом папы, пообещавшим быть в течение часа.

А потом начались звонки по дружным контактам волонтеров, которые тоже прибыли в течение часа, и все прибывали и прибывали, прознав про заброшенный вольер с никому не нужными собачьими жизнями и душами.

– Не бойтесь? Покусает вашу сучку. Глаз вырвет. Он доbermanу вырвал, – переживал Федор от похвального подношения к его труду.

– Это ж его любовь. Может, сразу и не признает, но потом обязательно все будет хорошо. Как в сказке, – обнимала за плечи бабушка Надя чуть обалдевшего от таких слов Федора. И на радостях всем бабушкиным хором они пригласили его отобедать у них в деревне за славную работу и самоотверженность, что, несмотря на отсутствие финансирования, не бросал исполнения ни служебного, и ни человеческого дол-

га, хотя уже полгода задерживали зарплату. Федор расчувствовался от такой теплоты и пустил слезу. У него была собачья жизнь. И он был виноват в этом. Но доброе отношение делает чудеса даже с самыми черствыми и сухими сердцами на свете. Хмурое лицо охранника просветлело. Этим днем собаки, проживающие в вольере, не получили холодного душа с напором из неумолимого шланга.

Люба, к слову сказать, не обратила внимания на раненого кобеля, собственно, как и на радостного, которого уже через час радостно куда-то уводили волонтеры.

– Еще бы, лабрадоры такие дорогушие! Ведь они настоящие друзья человека! Ребенка воспитать могут! Его б в другом питомнике в первый же час с руками, то есть с лапами, оторвали, – удивлялась бабушка Вера.

– Льюис! Льюис! – позвала бабушка Надя, но собака не двинулась с места, продолжала лежать и безучастно взирать на толпу людей. – Солдат! Иди сюда! – позвала она еще раз, на ходу придумав прозвище, и заметила, как заблестел глаз у собаки, будто она попала в точку. – Солдат, ты можешь идти?

Собака немного затряслась, пытаясь встать на ноги, и медленно, все же не меняя выражения морды, двинулась к новой хозяйке.

– Молодец, мальчик! Сейчас мы тебя заберем домой и подлечим. А потом уж ты вступишь в нашу Любу.

– А он красивый! – восхищались подруги, подбадривая ничего не понимающую Любу, теребя ее за холку. – Смотри,

какой благородный и сильный духом, даже не пискнул. А ранен-то сильно.

Льюис, или теперь Солдат, относился к породе собак молчаливых, но пытливых. Сразу сообразил, что судьба его меняется, причем самым невероятным образом, и что нужно ей поддаться, даже если этап отчаяния и мук давно прошел, и надежды выгорели дотла. Но только настоящий солдат живет и надеется до конца. Не разрешая перегореть сердцу, оставляя последнюю каплю надежды на спасение.

– Потому что, пока ты жив, есть надежда, да, мой хороший? – погладила бабушка Надя смиренную собаку и разрешила зятю уложить раненого на заранее разложенный плед и подушки.

– Так Луис или Солдат? – не понял папа.

– Какой к черту Луис?! – смешно возмутилась бабушка Надя. – Много ты видел в Подмосковье Луисов, а кровью солдатской вон почти до Москвы залито.

– Ой, ну и выдумщица вы, мама! – смеялся папа, инстинктивно понимая, что начинается новый этап в жизни семьи. И будучи абсолютно спокойным за душевное счастье тещи, а значит, и жены, и детей, и свое(!) повез всю бригаду лечиться на дачу.

Группа бабушек, их питомцев, волонтеров еще долго не расходилась, составляя план спасения оставшихся живых душ.

Папа был мудрым человеком. У него в компании трудилось почти пятьсот человек, большая половина которых числилась женской. И человеку, терпевшему такое безобразие, нужно было ставить памятник при жизни. И это делали не раз, восхваляя работодателя в дни, посвященные тому, а также во внеурочные выходные и даже в святой день Восьмого марта. Поэтому папа правильно почувствовал, что, несмотря на континентальные конфликты, мировые кризисы, разруху и просто разнообразные житейские трудности, в его семье, большой и дружной, жили мир и порядок. И это странным, нелогичным образом являлось следствием того, что его семья в лице питомцев ширилась и ширилась.

– Наверное, Люба с Солдатом нам карму чистят... – говорил папа современным языком, понабравшись от детей, разбирающихся теперь и в карме, и в политике, и во всем на свете, сидя у камина и наблюдая за жизнью собак – вечно радостной Любой и смиренным, но довольным Солдатом, который, конечно же, расцвел после лазарета и кормежки по специальной диете бабушки Нади.

– Красивый пес, спокойный и умный, – констатировал папа. – Интересно, какие щенки получатся? И главное, как мы их будем раздавать. Они ж не будут у нас все...

– Боюсь, Витя, – обнимала мама папу, обхватывая за широкие плечи, – что миссия Любы на этой планете, – цитировала мама, то ли услышав мысли Любы, с появлением Солдата вообще не задумывавшейся о смысле жизни (кстати,

первый признак абсолютного вселенского счастья!), то ли подслушав философские чаепития маминых подружек, – не только выгуливать бабушку Надю и делать счастливым Солдата, но и снабжать нашу семья новыми чистильщиками кармы...

Бабушка Надя абсолютно не прислушивалась к разговорам домочадцев (кстати, второй признак вселенского счастья!), а летала по дому на своей волне, напевая под нос. И это был третий признак очень счастливого человека. Ведь сегодня у старшей внучки был день рождения. Восемнадцать лет! И Варечка выбрала денек в своем загруженном календаре, распланированном на молодые года вперед, провести его в семье на даче. Первый признак взрослого человека. А может, ей просто нравилось справлять свой день рождения только с самыми близкими.

– Варя, – внимательно посмотрела на внучку бабушка Надя. – Когда мне было восемнадцать лет, я вышла замуж за дедушку Валеру. Он был тот еще фрукт! Ну ты знаешь... Но любила я его крепко. Потому что знала: никого другого не хочу видеть рядышком с собой. Я ведь тоже тот еще фрукт! Он был и есть моя вторая половинка. Поэтому от души желаю тебе когда-нибудь найти твою вторую фруктовую половинку, осчастливить его сначала своей красотой, добротой, ну и богатством. Ты у нас девушка с приданым! А потом осчастливить себя, его и нас красивыми, здоровыми, добры-

ми детишками. Пусть у тебя родится целых три дочки, и одну из них назови Любава... Я уверена, она обязательно станет писательницей, даже если будет работать бухгалтером. И пусть напишет сказки про меня, про Любу, про Солдата, про дедушку Валеру, про войну, где погибли мои мама и папа. Про то, какие мы все хорошие и счастливые, что сейчас нет войны. Нам всем будет очень приятно читать эти сказки.